

г. Москва
Молодежный театр-студия
на Старокаховский

МОСКОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
г. Москва

1 8 ФЕВ 1988

В полумраке, за зеленым абажуром

● ЛИХИЕ ВИЗИТЕРЫ ● ДОРОГАЯ МАТЕМАТИЧКА ● ВЫЖИТЫ

ЛЕТ ШЕСТЬ назад из рецензии В. Розова в «Литературной газете» все-союзный читатель узнал о постановке драмы, в которой четверо десятиклассников приходят к своей учительнице, чтобы принудить ее подменить еще непроверенные экзаменационные работы.

Очевидная сконструированность пьесы (один живой человек, сама учительница, сохраняющая трогательную наивность «шестидесятников») испугалась авторской болель, обличением распада, поразившего и тех, кто лишь вступает в жизнь: «Лицемеры, кого вы вырастили!». И вот сегодня на столичной сцене идет пьеса А. Рауковской «Дорогая Елена Сергеевна...». Поставив ее вслед за Театром Моссовета фактически еще не открытый театр на Старокаховской.

О его создании было объявлено полтора года назад — а рядом с другими, часть из которых по-прежнему не может нормально работать. Костяк составили выпускники Щепкинского училища последнего курса М. И. Царева. Руководитель — Светлана Врагова. Зависть ли причиной, внезапно ли обостренное чувство справедливости или несправедливость лидера, но даже на полупушном Арбетском форуме творческой молодежи (единственная попытка такого собрания) высказывались сомнения в жизнеспособности новой студии. Росийский СТА хотя и поддержал театр материально, на своей Всероссийской конференции заявил, что решение о создании этого театра «было принято административным путем, без привлечения театральной общественности» и что творческий союз не может «все время платить за такие непростительные ошибки».

С подобными напутствиями актеры, не получая зарплат, не зная, где — иногородние — будут ночевать, кормились обещаниями Главного управления культуры отмонтировать предначеченное для них здание и репетировали на случайных площадках. Теперь — первые зрители, пока по приглашенным билетам, с трудом огибают неприглядный адрес, чтобы попасть на административный спектакль.

ЗАЛ и сцена необычны, впрочем, это характерно для малых сцен. Художник Н. Ткачук рационально использовал внутреннюю архитектуру: реальные окна вписываются в однокомнатную квартиру, две тонкие квадратные колонны зримо отдают уютное пространство — кухню, в настоящей двери в глубине видны обаятельные кислороды. Из столь же натуральной двери рядом высочит на звонок належа фигура с обязанной головой, насилье накинёт халатик. Постановщику С. Враговой важны резкие детали приземленного быта, как и старая мебель, от которой комната становится уютной. Приметы точны, хотя излишне подробны: здесь живет человек, исповедующий культ духа скорее в силу обостренности (в том числе материальных). Если у визитеров и оставались сомнения в необходимости задуманного, убогость обстановки развивает их напрочь. Участь Елены Сергеевны не predetermineda природой, О. Мысина открывает в похоронившей от поздравлений с днем рождения героине и грацию, и неожиданную удушье.

Музыкальная партитура, тщательно разработанная, — стержень первого акта. Песню Окунджавы сменяет изысканный вальс, за прочувствованным романсом следуют прибалтанные куплеты: ритмы объединяют, паузы рожают стильную тишину, в которой тихие настенных часов кажется олушительными. Легкость, с которой молодые персонажи подстраиваются под любое звучание, беззащитность имитации, скрывающая жесткость

драматургического расчета, живописуют портрет поколения.

Ражиссура переносит акцент с индивидуальных решений на общий шум, когда фразы, брошенные одним, подхватываются и развиваются остальными, рождая слаженный хор. Подчеркнув первоначально типажность внешнего облика молодых: выверенную броскость Ляли (И. Мануйловой), простецкость Вити (С. Пинегина), интеллигентскую рыцальность Паши (С. Казакова), театр тут же сбивает их в стаю, однородную по реакциям, по отношению к «дорогой» математике. У последней не возникает и тени подозрения — тут уловлена та правдивая восторженность, что сегодня ослепляет многих «шестидесятников», не желающих внять урокам собственного прошлого и понять, что идеалистический идеализм — верный партнер оголтелого практицизма. Сталкивая в переливчатом действе свободные процессы, создатели спектакля в первом акте, завершаемом лавиной хохота неподвижных погромщиков, привили потраченной временем пьесы сегодняшнюю живость.

ВТОРАЯ часть потребовала иных средств воздействия. Перед глазами зрителей та же комната предстала обесчещенной — покосившийся портрет и разбросанные ящики, затянута лентой штора и подавленный на двери плюшевый мишка. Избыток доказательств вселяет недоверие, впрочем, подробности проявятся позже. Пока — в полумраке, за зеленым абажуром настольной лампы, вокруг разданного с зияющим провалом стола восседает гротескный Тайный Совет. Размалеванные лица трагических паяцов — жалкие и страшные. Капли падают слова, автоматически асцидуются сложенные руки. Театр абсурда замещается политическим балаганом — в центр выходит Володя с портретно косым пробором и узнаваемой пластикой лидера. Последний шаг — театр жестокости, когда изнасилование Ляли на глазах учительницы совершается с грубой яростью отчаяния. И все же набор агрессивных приемов, вызванный графичностью пьесы, пасует перед пронзительным мгновением: Елена Сергеевна материнским жестом дрожащей руки гладит волосы иступленного выродка...

ПЕРВЫМ спектаклем Молодежный театр-студия на Старокаховской азартно заявил свою общественную позицию. Однако контраст между обшарпанной лестницей, облупленными стенами неотрмонтированного здания и прочими выказками «бедного», «неудачливого» театра с одной стороны, а с другой — элитностью маленького фойе и оригинального зала (в действительности — буфета) кажется зримым выражением неутоличности. Давление внешних обстоятельств: мизерность дотации, катастрофическое затягивание ввода главной и малой сцен и тому подобное — не здесь ли исток внутренней несвободы, запечатленной тканью спектакля? Энергия противодействия, стремление выжить любой ценой грозит обернуться плакатностью.

При ВТО было Московское отделение, пекущееся об участии столичных театров; новый СТА его упразднил. Ложная демократичность обернулась для провинции навязыванием чуждых образцов, но и московскую сцену лишило должного внимания. Провозглашенная идея естественного рождения и умирания театра хороша, но хотелось бы, чтобы и в промежутке им можно было естественно существовать.

Вынужденная победа самого молодого из столичных театров заставляет тревожиться за его будущее.

Анастасия ЕФРЕМОВА.